

А. И. Богомолов

**«Пирожное с изменою»:
политическая гастрономия
уральских губерний начала XX века**

Дороги прошлого различны. Одни начинаются в залах дворца или ученых кабинетах и кончаются на эшафоте, другие берут свое начало в спальне императрицы и приводят в кабинет министра. Дорога на остров Св. Елены пролегла от Аркольского моста. Мы сейчас пойдем по самой скромной дороге. Она начнется в кухне, около плиты повара...

Ю. М. Лотман¹

Чего-то хотелось. Не то конституции, не то севрюжины с хреном...
А. Аверченко

Выражение «политическая кухня», пожалуй, возникло и существует не случайно. Политика и вопросы приготовления и употребления пищи связаны более тесно, чем принято думать. Представления о том, что считается съедобным/несъедобным, о символичности, престижности/табуированности некоторых блюд и продуктов, процессы добывания, приготовления, наделения пищей, способ, место и характер того, как пища принимается, — все это может кое-что сказать об изучаемом обществе. Далее, когда речь идет о намеренном, сознательном выборе тех или иных образцов «гастрономического поведения», можно рассматривать последнее как частный случай социального — и политического — поведения. Поскольку публичная демонстрация таковых «гастрономических казусов» вызывала вполне определенные и пред-

сказуемые реакции со стороны очевидцев-современников, включая запреты или поощрения со стороны властей и администрации, не будет ошибкой предположить и то, что гастрономические вкусы различных социальных слоев приобретали оттенок политизированности. Коль скоро говорят «политическая кухня», почему бы не поговорить о «политической гастрономии»?

В качестве примера того, каким образом до сих пор пища попадала в сферу внимания социально-политической истории, можно привести мифологизированную в фильме С. Эйзенштейна историю о «червивом» мясе, которым якобы попробовали в 1905 г. накормить матросов броненосца «Потемкин», что в итоге и привело к матросскому восстанию. Заплесневевшая мука в заводской потребительской лавке вполне могла спровоцировать забастовку с антиправительственными лозунгами². Есть, однако, и другие казусы, напрямую не соотносимые с нуждой и голодом. Парижские ремесленники и рабочие времен Великой Французской революции требовали (и добивались) замены продажи им черного хлеба на белый — менее калорийный, но более «престижный», употреблявшийся до того исключительно дворянами. Социокультурное и политическое значение пицци и питания вполне ясно сознавали современники — но не исследователи³.

Так, например, в советской историографии считалось хорошим тоном иронизировать над «банкетной кампанией» 1904 г., которая ознаменовала первый, полулегальный период организации конституционно-демократической партии. С точки зрения эсеров и эсдеков, банкеты в дорогих ресторанах, на которых интеллигенты и дворяне провозглашали тосты антиправительственного содержания и принимали резолюции политического характера, имели немного общего с политической оппозицией.

Действительно, «устный фон» гастрономических мероприятий наиболее «отчетливо» и непосредственно вскрывал их политический подтекст. Спиртное развязывало языки. Речи и тосты участников и организаторов служили звуковыми маркерами политической составляющей мероприятия. Возможно, не все они, в силу специфики гастрономических мероприятий, были высказаны с полной степенью осознанности. (Хотя вряд ли им можно отказать в искренности, следуя старинной поговорке: что у трезвого на уме, у пьяного на языке.) Когда в уездном городе Уфимской губернии Мензелинске на одном из вечеров, устроенных вскоре после Цусимского сражения, сам городской голова в окружении земско-городских служащих разбил стакан с пивом о пол со словами «пусть так же разобьет Царя нашего японский микадо»⁴, окружающим трудно было не задуматься об отношении к русско-японской войне и к своему монарху. Речи, однако (вернее, конспекты этих речей и впечатления слушателей), в силу все той же специфики мероприятий⁵ — не самый достоверный источник для выявления политического подтекста гастрономических мероприятий.

Попробуем сместить акценты. Где собирались приверженцы разных политических убеждений? По каким поводам? Что употребляли в пищу и что пили? Насколько это было для них значимо? Имело ли это политическое значение?

Ответы на эти вопросы позволяют не только «сконструировать», но и «реконструировать» определенный фрагмент социокультурной действительности изучаемого периода. На значимость «гастрономического фона» политизированных мероприятий намекает то внимание, которое уделялось властями, партийными публицистами и очевидцами меню и ассортименту ресторанных банкетов, чайных Союза русского народа (СРН), потребительских лавок. Ассортимент чайных, трактиров, потребительских лавок, набор блюд и напитков в меню ресторанов, возможность продажи и употребления мяса в определенные дни⁶ и т.п. становились средством выражения политической позиции, а также предметом публичной полемики. Поддержка правыми монархистами трезвеннического движения отразилась не только в приговорах сельских сходов об отказе от употребления алкоголя, в закрытии винных лавок, в открытии чайных, но и в политическом языке современников, стереотипах восприятия правых. Либералы презрительно именовали оппонентов справа «квасными патриотами»⁷, сами, в свою очередь, получая уничижительное прозвище «банкетных политиков».

Банкеты, экскурсии, пикники и тому подобные мероприятия, однако, стали легальным способом организационного оформления оппозиции. Кампания «политических банкетов», предпринятая сторонниками Союза освобождения в 1904 г. в связи с празднованием 40-летия судебных уставов 1864 г., стала одним из первых действий оформлявшегося оппозиционного лагеря⁸. По мере расширения состава общественно-политических организаций частные конспиративные квартиры, в которых обычно собирались участники кружков, перестали вмещать всех желающих. В условиях запрета на проведение собраний и устройство союзов до Манифеста 17 октября 1905 г. банкеты означали возможность легально собраться в публичном месте. Участники банкета беспрепятственно произносили и слушали политические речи⁹. После появления указа о «Временных правилах об обществах и союзах»¹⁰, когда служащие и рабочие получили право создавать профессиональные союзы и общества самообразования, организационная и пропагандистская деятельность оппозиции переместилась из банкетных залов и частных квартир в клубы, Народные дома, а также, в особенности в теплое время года, за город. (Последнее, вдали от глаз полиции, было даже удобнее.) Каждое просветительское или профессиональное объединение начала XX в. обычно включало в свой устав пункт о праве организовывать экскурсии¹¹. Учителя, слушатели «народных университетов», экскурсанты Российского общества туристов и т.п. лица, выезжая на природу и в другие города, не только знакомились с достопримечательностями вдали от посторонних глаз, но и налаживали партийные связи, вели политические дискуссии, проводили митинги, собирали пожертвования в пользу бастующих¹².

Менее зажиточные рабочие, члены социалистических подпольных организаций, в этих же целях устраивали за городом никем не запрещенные «пикники». В теплое время года для этого довольно было пройти 3–5 верст от города и расположиться на лесной поляне. Для более массовых встреч и более серьезных мероприятий можно было переправиться на лодках за реку, отгородившись от посторонних глаз и от полицейской слежки, — в губернских центрах Урала (Уфе, Перми) так организовывали окружные и губернские партийные конференции, учения боевых дружин и т. п. «Маевки» проводились на лоне природы, на фоне расставленных бутылок, разложенных блюд и закусок¹³. Насторожить постороннего наблюдателя могло разве что отсутствие женщин: подавляющее большинство подпольщиков-участников собраний составляли молодые мужчины¹⁴. С наступлением осени и зимы партийная работа, в том числе и среди молодежи, перемещалась под крыши. В Мотовилихинском заводе Пермской губернии после октября 1905 г. эсдеки организовали «целый ряд семейных вечеров, вечеринок, куда и затягивали молодежь под тем или иным предлогом»¹⁵. Уже вскоре после этого, как вспоминала одна из руководителей заводской социал-демократической ячейки, «молодежь узнает о существовании партии, воспринимает борьбу рабочих и мало-помалу втягивается в политику, живо откликается на сборы в пользу забастовок, на помощь политическим»¹⁶. В Златоусте Уфимской губернии в десятилетие между 1907 и 1917 гг. большая часть агитационно-пропагандистской работы большевистского подполья, как не без сожаления признавал позже один из участников, проводилась «за выпивкой в пивных, где собирались рабочие»¹⁷. Ни организаторы, ни участники подобных мероприятий не отрицали их «организационную» подоплеку. И современники, и исследователи молчаливо признают, что встретиться, собраться вместе и поговорить на темы, не всегда одобряемые департаментом полиции, означало для участников банкетов и маевок гораздо большее, чем банальное «выпить и закусить». Профессиональные подпольщики с неудовольствием отмечали, что «многие старики-революционеры с удовольствием проводили время на вечеринках, выпивали и мало-помалу отставали от хода событий»¹⁸. Важно было, кто собирался, о чем говорили. Место и повод, набор блюд и напитков, на их взгляд, значили куда меньше и должны были оставаться лишь средством конспирации.

Соотношение «гастрономического» и «политического» элементов упомянутых выше мероприятий являлось предметом бурного обсуждения заинтересованных современников. Левые публично высказывали подозрения о том, что в чайных СРН посетители пьют вовсе не чай, но гораздо более крепкие напитки. Общество трезвенников при Уфимском отделе СРН местные социал-демократы называли «обществом алкоголиков»¹⁹. В свою очередь, авторы консервативно-монархической направленности не скрывали своей уверенности в том, что беспорядки в сельской местности и на заводах связаны с употреблением алкоголя участниками этих беспорядков. Символическое значение употребляемых

на такого рода собраниях напитков и продуктов осознавалось и даже подчеркивалось участниками событий²⁰. Несмотря на повсеместное присутствие алкоголя в повседневности рабочих (алкоголь как средство релаксации, как лекарство, как своего рода валюта, которой расплачивался новичок при поступлении в бригаду и которой давали взятки), для политизированных рабочих алкоголь приобретал другую символическую грань, становясь одновременно частью праздника и средством проявления собственной сознательности.

Союзы и общества сторонников правой части общественно-политического спектра также имели свои места для проведения досуга и политических мероприятий. По версии публицистов революционных партий, в отличие от «банкетов» либеральной оппозиции и «майских пикников» социал-демократов, чайные СРН служили не только поводом для собраний, но и средством привлечения и организации публики, средством агитации, инструментом политического воспитания масс «в черносотенном духе». Так, например, В. Левицкий комментировал обстоятельства раскола среди рабочих, в 1905–1906 гг. в массовом порядке вошедших в черносотенные союзы и общества. Часть этой категории рабочих, по его словам, «постепенно освобождалась из-под влияния черносотенной демагогии», в то время как другая часть, «развращаясь водкой, деньгами и атмосферой союзнических чайных, поставляла кадры наемных убийц, погромщиков и штрейкбрехеров»²¹. Откровенная неприязнь, с которой аналитик-марксист оценивал роль атмосферы чайных СРН в воспитании рабочих — «погромщиков и штрейкбрехеров», заставляет отнести к ним серьезно. Чайные черносотенцев действовали на постоянной основе, как своего рода клубы. Открывались эти чайные при отделах СРН. Содержание чайной брал на себя либо сочувствующий идеям Союза трактирщик либо непосредственно отдел СРН. В чайных происходили собрания отделов, читались вслух уставы, раздавалась черносотенная литература. Доступ туда был открыт всем желающим, причем помимо чая и закуски можно было ознакомиться с задачами союза и вступить в его ряды. Оказалось, что чайные более популярны среди обывателей, чем многочасовые политические собрания. По оценке автора-марксиста, «те элементы, которые подпадали под влияние правых, были настолько пассивны и некультурны, что требовались слишком большие усилия, чтобы затащить их на собрания. Другое дело — чайные: здесь нередко союзникам, как в Петербурге, так и в провинции (Одесса, Киев, Екатеринослав) удавалось группировать вокруг себя десятки и сотни рабочих, босяков, дворников, извозчиков, мелких торговцев и т. п.»²². Боевые действия, которые открыли против правых монархистов революционные партии, предусматривали уничтожение или терроризирование этих чайных и их посетителей. Так, в январе 1906 г. в Петербурге боевиками РСДРП (членами Боевого центра Невского района, по поручению Петербургского комитета РСДРП) был взорван черносотенный трактир «Тверь» за Невской заставой, причем погибли и были ранены посторонние люди²³.

Случай этот не был единичным. Посещение чайной СРН, питание в «политически неверном» месте становилось смертельно опасным политическим поступком.

Блюда и напитки: политические функции меню (Политическая гастрономия одного уфимского чиновника-монархиста)

Продукты и блюда могли быть «господскими» и «рабочими»²⁴, «высокими» и «низкими», демонстрируя и подтверждая социальный статус их потребителя. В период политизации социальных конфликтов даже продукты приобретали политическую окраску²⁵. Офицер, возвращавшийся в Россию с театра русско-японской войны, осенью 1905 г. в станционном буфете на Великой Сибирской магистрали заказал жареных рябчиков. Подошедший к нему старик-рабочий под сочувственные возгласы своих товарищей спросил, почему «им» — господам, богачам и офицерам — можно заказывать рябчиков, а ему, простому рабочему, нельзя²⁶. В свою очередь блюдо картошки, сваренной с солью, перцем и луком, замеченное на столе начальника железнодорожной станции, в глазах проверяющей его деятельность комиссии было признаком вопиющей бедности²⁷.

Продукты питания, а также их информационное освещение, активно использовались как элементы политического языка. Печатные меню ресторанов и буфетов подвергались цензуре. Даже эти невинные образцы печатной продукции использовались заказчиками (сознательно и демонстративно) в агитационных целях.

Анонимный автор памфлета о политической ситуации в Уфимской губернии²⁸ в 1906 г., по его словам, заказал для прощального ужина в ресторане Уфы карточки меню, печатать которые запретил губернатор. Список официально воспрещенных названий блюд автор привел в своем сочинении. В числе прочих в меню значились «стерлядь самодержавная», «пирожное из Царства Польского с изменою» и другие, не менее любопытные блюда. Вот это меню.

«Слава
Православному Царю Неограниченному
Слава!!!

Роспись
блюдам на ужине верных Царских слуг
10 ноября 1906 г. в г. Уфе²⁹

Закуска: Водка Императора Всероссийского
Хлеб ржаной из Единой Неделимой Российской Империи
Соль Царя Астраханского

	Сельди вся северная страны Повелителя
	Колбаса Великого Князя Литовского
	Кильки Князя Эстляндского
	Крендель Великого Князя Финляндского
	Чеснок вонючий жидовский
Ужин:	Стерлядь самодержавная
	Вино Государя Карталинския земли
	Пельмени Царя Сибирского
	Пиво князя Лифляндского
Фрукты:	Яблоки Черкасских и иных князей обладателя
	Груши Государя Туркестанского
	Виноград Царя Херсониса Таврического
	Персики Государя области Арменския
Сладкое:	Пирожное из Царства Польского <i>с изменою</i>

Люди русские поднимайтесь!
За Веру! За Царя! За Русь!»

Обычные карточки меню скрывали в себе несколько смысловых слоев. На поверхности лежал обыденный смысл — информирование приглашенных на званый ужин гостей о блюдах. Помимо этого, сами говорящие названия блюд и продуктов вскрывали политический подтекст мероприятия. Причиной отъезда автора памфлета и, соответственно, причиной прощального ужина был конфликт этого монархиста с либерально настроенным губернатором. Ужин, который устраивал для своих коллег и единомышленников отъезжавший из губернии опальный чиновник, в заглавии меню обозначался как «ужин верных царских слуг». Друзья и гости устроителя банкета эксплицитно позиционировались как «верные», имплицитно противопоставляясь «неверным», не приглашенным на званый ужин. Верноподданнические эпитеты в названиях блюд и славословия монарху обозначали участников мероприятия как крайне правых монархистов, верных подданных своего государя. Реплика, припасенная автором «на сладкое», — «пирожное из Царства Польского *с изменою*» (курсив источника. — А. Б.) метила прямоком в уфимского губернатора Б. П. Цехановецкого — виновника отъезда памфлетиста и поляка по национальности, который в октябре 1905 г. повел себя, по мнению крайне правых, нелояльно своему монарху и служебному долгу. Название десертного блюда в завуалированной форме послужило личным оскорблением поляку-губернатору. Сам факт запрета печатания меню, по саркастическому замечанию памфлетиста, свидетельствовал о бесчестности губернатора: «...меню было арестовано, несмотря на незадолго перед тем публично провозглашавшуюся им же (губернатором Б. П. Цехановецким. — А. Б.) свободу слова и печати»³⁰. Чиновник не мог не знать, что вся печатная продукция государственных типографий под-

лежала одобрению полицмейстером (который, кстати, также был этническим поляком — Г. И. Бухартовский) и губернатором. Адресатом меню, таким образом, заведомо выступил не только узкий круг приглашенных на званый ужин коллег-монархистов, которые и без того были осведомлены о происходящем, но и непосредственный «виновник торжества». Обвинение (и одновременно оскорбление) и способ, каким его преподнесли, были тонко рассчитаны.

Остановимся еще на одном смысловом подтексте отклоненного цензурой меню. Каждое из блюд соотносилось с определенными географическими координатами и характеристикой степени политической лояльности этой территории. Тринадцать из семнадцати блюд были обозначены по принципу географического происхождения. Продукт именовался происходящим из местности, которая традиционно им славилась. Территория происхождения продукта обозначалась в соответствии с выражениями полного императорского титула («Государь император Всероссийский, всея Великия и Малыя и Белыя России повелитель, Царь Казанский, Царь Астраханский и проч. и проч.»). Как лояльные империи были обозначены каспийская соль («соль Царя Астраханского»), рыба, отловленная архангелогородскими и эстонскими рыбаками («сельди всея северныя страны повелителя» и «кильки Князя Эстляндского»), литовско-белорусская колбаса («колбаса Великого князя Литовского»), финская выпечка («крендель Великого князя Финляндского»), грузинское вино («вино государя Карталинския земли»), сибирские пельмени («пельмени Царя Сибирского»), прибалтийское пиво («пиво князя Лифляндского»). Перечисление блюд с подобными эпитетами символически звучало как принесение новой присяги на верность или же как символические дары территорий своему императору. Блюдо, считавшееся традиционно польским, было обозначено с характеристикой не только блюда, но и степени лояльности территории: «из Царства Польского с изменою». Вероятно, в нарушении лояльности своему государю в ноябре 1905 г. можно было обвинить и Грузию (в связи со знаменитой Гурийской республикой³¹), и Финляндию, латышей и эстонцев. Составитель меню по причинам, рассмотренным выше, предпочел сосредоточить внимание приглашенных на «польском» блюде. Блюда, считавшиеся традиционно царскими, — стерлядь и водка — получили подчеркнуто монархические эпитеты: «стерлядь самодержавная» и «водка императора всероссийского». Ржаной хлеб, также традиционно считавшийся исконно русским продуктом, независимо от того, на какой территории он был выращен и испечен, был обозначен как «хлеб ржаной из единой неделимой Российской империи». Наконец, употреблению чеснока молва (вернее, антисемитские предрассудки) приписывали якобы постоянно исходящее от евреев зловоние (*foetor judaicus*). Чесноку была приписана не определенная территория, но все же вполне определенная национальная (этнорелигиозная?) принадлежность. В общем «концерте блюд», символизировавшем Российскую империю, так помечались два «нелояльных» исключения, два «продукта» — польский и еврейский. Любопытно, что «местной

специфике», в частности, возникавшему в Уфимской и Казанской губерниях панисламистскому движению³², составитель меню не уделил такого внимания. В другом месте своего памфлета автор об этом упоминал, но лишь в контексте действий «крамольника-губернатора», провоцировавшего и потворствовавшего таким движениям. «Элитизм» ли чиновника-автора памфлета был тому виной или его склонность к теории заговора? Тревогу по поводу избытка «иноверцев» в регионе склонны были поднимать скорее приезжие из столиц, сталкиваясь при этом с искренним удивлением даже местных черносотенцев и представителей власти.

«Местных» блюд с какими-либо эпитетами в меню званого ужина не было. Опасность раскола империи, какой видел ее чиновник-монархист, надвигалась не с Урала или Поволжья, а с запада.

«Свои» и «чужие» в зеркале политической гастрономии: порядок и хаос

Сам по себе процесс утоления голода мог и не иметь непосредственного политического значения. Отношение к своему голоду, набор блюд, значимость тех или иных напитков или продуктов, однако, характеризовали облик политических соратников и противников. Своего рода общим местом в описаниях и самоописаниях профессиональных революционеров было подчеркнутое пренебрежение к низменным бытовым вещам, к каким относилось утоление голода. Видный деятель революционного подполья «товарищ Артем» (А. С. Сергеев), по воспоминаниям большевички М. Загуменных, «перекусывал как-то мимоходом, на лету; я даже не могу вспомнить, чтобы он ужинал или обедал». Опытные активисты РСДРП, прибывшие в январе 1907 г. из Харькова в Пермь для подготовки предвыборной кампании во II Государственную думу, произвели впечатление на товарищей-пермяков не только своими действиями, но и повседневым поведением. Аскетизм в быту, простая грубая пища свидетельствовали, что приехали «свои люди». Двое из приезжих, напротив, показались «не своими», недостаточно сознательными: видели, как на прогулке по городу они ели грецкие орехи, — непозволительная роскошь для тех, кто знал, какими трудами пополняется партийная касса. Подпольщица вспоминала, что на одно из конспиративных собраний, замаскированное под ее день рождения, товарищ подарил ей коробку шоколада. Шоколад этот был открыт и съеден только через несколько месяцев, когда в нем уже завелись черви³³. Неспособность управлять собой, контролировать желания своего тела выдавали несознательного, недостаточно готового к политической борьбе человека. «Победа духа над плотью» оказывалась критерием политического сознания.

«Шкала сознательности» совпадала с градацией телесного самоконтроля. Отношение к алкоголю, как правило, служило наиболее ярким критерием способности к контролю над собственным телом. Обыватели, не живущие сознательной политической жизнью, неспособны были контролировать ни тяги

к алкоголю, ни собственного языка. Для них выпивка служила средством, облегчающим общение. Ветеран дореволюционного подполья в Златоусте признавал: «К сожалению, большею частью серьезная работа проводилась за выпивкой в пивных, где собирались рабочие и развязывали свои языки, выливая все нужды, о которых каждый рабочий достаточно знал. Подпольники выступали там, где сосредоточивались массы рабочих»³⁴. «Наивные обыватели, сидя в пивной за бутылкой пива», как отмечал уже пермский подпольщик, часто притягивали шпиков, громко обсуждая политические события. В то же время профессионалы-подпольщики проводили конспиративные встречи в той же пивной, за двумя бутылками пива, не привлекая внимания полицейских агентов»³⁵.

По мере ознакомления с революционными идеями формировалось новое мировоззрение, повышалась политическая сознательность рабочего и одновременно его способность контролировать желания своего тела. Участник маевки, организованной большевиками среди рабочих Бисерского завода в 1907 г., особо отмечал: «Несмотря на наличие среди собравшихся любителей выпивок, никто не рвался к водке»³⁶. Подобное представление о логике политизации «сознания и тела», похоже, разделялось и представителями других политических партий. Подобно процитированному выше социалистам, — и едва ли с ними сговариваясь, руководитель Мотовилихинского отдела СРН (на Пермских пушечных заводах) не без гордости подчеркивал, что практически все члены его отдела состоят одновременно членами местного общества трезвости³⁷. Более того, рабочий-монархист обещал излечить от пьянства с помощью серии предлагаемых им социально-экономических и бытовых мероприятий все население завода. Как видим, и подпольщик-социалист, и черносотенец одинаково были уверены в том, что человек, приобщенный к партийной, политической жизни, не только обретает правильное политическое сознание, но и очищается — телесно и духовно — от последствий несознательной жизни.

Политическим противникам, напротив, обобщенно приписывалась неспособность совладать с желаниями своего тела — враги находились на противоположной стороне шкалы сознательности. Такое восприятие врага было свойственно активистам как левых, так и правых партий, причем вне зависимости от того, насколько оно подтверждалось фактами. Когда уфимская организация РСДРП в 1907 г. решила внедрить своего агента в ряды местного отдела СРН, этот человек получил приказ — переодеться в неряшливую рваную одежду, притвориться пьяным и лечь утром в канаву перед пивной, где, по сведениям ячейки, собирались черносотенцы³⁸. Члены революционной организации были уверены, что в таком виде агент сможет «сойти за своего» среди черносотенцев и завяжет с ними знакомство. (Вопреки ожиданиям и к разочарованию авторов плана, разведчик пролежал в канаве весь день, не встретив там никого из рекомых черносотенцев.) Рабочие, отказывавшиеся присоединиться к организованной стачке, в листовках и позднейших воспоминаниях социал-демократов практически всегда описывались либо как подкупленные, либо как «подпоенные»³⁹.

В свою очередь «контрреволюционеры» не скрывали своей уверенности в том, что все забастовки и жалобы рабочих на недостаточность заработной платы на заводах связаны с неумеренным употреблением алкоголя. Отвечая на подобные упреки противников, рабочий-мусульманин из Бикберды, делегированный на Пермский губернский съезд выборщиков в Государственную думу в январе 1907 г., говорил: «Наша водка не пьет, а все равно на хлеб не хватает»⁴⁰. По воспоминаниям уральского рабочего-большевика, администрация и обыватели горнозаводского поселка, в окрестностях которого социал-демократы организовали для рабочих маевку 1905 г., до самого утра 2 мая пребывали в страхе того, что участники маевки, выпив всю принесенную с собою водку, начнут громить поселок и убивать сотрудников администрации⁴¹. Противник представлялся непонятным, не соблюдающим общепринятых норм и законов, моральных и правовых, а следовательно, неспособным контролировать и собственное поведение.

Итак, политизации в первые десятилетия XX в. стремительно подвергались самые обыденные, повседневные стороны человеческой жизни. «Агитационный фарфор» Советской России, обучение грамоте по фразам «Мы не рабы, рабы не мы», запрет на использование старой орфографии, контроль музыкального репертуара под лозунгами наподобие «Джаз — музыка толстых», приравнивание опоздания на работу к саботажу социалистического строительства и т. п. — проявления принципа политизации повседневной жизни, который успешно взяли на вооружение большевики. Открыли же его отнюдь не только они, и произошло это задолго до 1917 г.

¹ Лотман Ю. М. От кухни до гостиной // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 255.

² Так, косвенным поводом к началу общей стачки в железнодорожных мастерских Ростова-на-Дону в 1905 г. стал обычный соленый огурец, который не был доеден к завершению перерыва. Мастер потребовал от жевавшего бросить огурец и стать к станку, а получив отказ, начал избивать токаря, за которого вступились товарищи. См.: Железнодорожники в 1905 г. / Сост. М. Х. Данилов. М., 1940. С. 130.

³ Проблематика бытового поведения и символики питания затрагивалась до сих пор в основном в работах, посвященных относительно отдаленным эпохам. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2006 (оригинальное издание: 1986); Костомаров Н. И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947; Лотман Ю. М. 1) Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233–254; 2) От кухни до гостиной. С. 255–319. Положение начало меняться в недавних работах: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Кондратьева Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр. М., 2006. О функциях алкоголя в российском

- обществе см.: *Smith R. E. F. Bread and Salt: a Social and Economic History of Food and Drink in Russia*. Cambridge, 1984. P. 74–109; *Байрау Д.* Бахус в России // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 352–377.
- ⁴ Цит. по: Государственная измена. СПб., 1906. С. 9.
- ⁵ См. знаменитое примечание 3 в сочинении Я. М. Сенькина: «Обращаю внимание читателей на то, что все действующие лица описываемых происшествий (кроме редчайших случаев) находились, как фиксируют официальные материалы, в алкогольном опьянении различной степени тяжести. С этой грубой реальностью надлежит считаться» (*Сенькин Я. М.* Фердинанд, или Новый Радищев. М., 2006. С. 17).
- ⁶ Имеется в виду обсуждение в IV Государственной думе законопроекта Прогрессивного блока о «мясопустных днях» — днях, в которые продажа мяса должна была быть строго запрещена, что должно было сохранить скот и сберечь мясо для фронта. Подробнее см.: *Иванов А. А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006. С. 100–101.
- ⁷ Выражение появилось еще в XIX в., но в начале XX в. стало ассоциироваться с крайне правыми.
- ⁸ *Мартынов А.* История конституционно-демократической партии // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 6.
- ⁹ Впрочем, и после 17 октября 1905 г. банкеты сохранили для представителей либеральной оппозиции свое значение площадки для проведения политических мероприятий. Так, например, депутат от Пермской губернии во II Государственной думе, социал-демократ А. Шпагин вспоминал, что депутаты от кадетов накануне отъезда в Думу провели встречу со своими избирателями именно на банкете, пригласив и его. В помещении, где проходил банкет, представители пермской интеллигенции, пользуясь отсутствием полиции, выслушали речи вновь избранных депутатов — кадетов, эсеров и эсдеков, причем часть слушателей беспрепятственно пропела «Марсельезу». В противоположность этому официально зарегистрированное собрание — встреча депутата от РСДРП с избирателями, проведение которой было заранее согласовано с канцелярией губернатора, проходило в присутствии жандармов и было последними фактически сорвано. См.: *Шпагин А.* На полулегальной работе // Борьба за власть: Сборник Пермского бюро Истпарта. Т. 1. Дни неоконченной борьбы. Пермь, 1923. С. 210.
- ¹⁰ См.: «Временные правила об обществах и союзах», утверждены 4 марта 1906 г. // Правительственный вестник. 1906. 8 (21) марта.
- ¹¹ *Соловьева З. П.* О некоторых особенностях организации экскурсий в России (1905–1914) // «Петербургец путешествует». Сборник материалов конференции 2–3 марта 1995 г. СПб., 1995. С. 66.
- ¹² См.: Там же. С. 62–67.
- ¹³ См., например, воспоминания подпольщика: «Осенью 1906 г. в Перми собралась конференция Окружной организации: десятка полтора людей из ячеек. Первое заседание состоялось по Сибирскому тракту влево <...> Для конспирации взяли с собой самовар, посуду и все, что обычно полагается для прогулки-пикника» (*Семченко А.* Из воспоминаний подполья // Борьба за власть. С. 114–115). «По рабочему обычаю, мы принесли с собой небольшую плетеную корзинку <...>. В корзинке лежали две бутылки водки, несколько ломтей черного хлеба, лук и соль, а также две чайные чашки», — вспоминал о маевке 1 мая 1907 г. рабочий Бисерского завода Пермской губернии (*Ермаков П. П.* Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 160).
- ¹⁴ Так, например, Мария Загуменных, в описываемое время секретарь Пермского городского комитета РСДРП, отмечала в воспоминаниях: «За Камой мы жителям уже примелькались; роль же моя была порой больше чем некрасива. Женщин на этих якобы пикниках почти не было. В то время работала только одна Сима Михайлова (секретарь городского района) и я. Всегда среди мужчин, я, вероятно, слыла там за особу легкого поведения, конечно, только у тех, кто в наши пикники верил. Большинство считали наши поездки за

Каму подозрительными, и ко мне относились, как к самой обыкновенной женщине. Я же старалась — ради конспирации — своих спутников менять; пусть лучше меня считают особой легкого поведения, чем революционеркой» (*Загуменных М.* Былые дни // Борьба за власть. С. 136).

¹⁵ *Ольховская К.* Работа партии и рабочее движение // Борьба за власть. С. 58.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Назаров М.* Биография и партийная работа. (Подполье, Октябрьская революция и Гражданская война) // Былое Урала. 1924. № 3. С. 125.

¹⁸ *Ольховская К.* Работа партии и рабочее движение. С. 58.

¹⁹ *Мызгин И. М.* Ни бог, ни царь и ни герой... (Воспоминания уральского подпольщика). М., 1958.

²⁰ Ср. воспоминания организатора маевки 1 мая 1907 г. в Бисерском заводе Пермской губернии: «Обилие принесенной водки вызвало у нас опасение, что большие любители выпивки могут испортить нам маевку, однако, сверх наших ожиданий, все обошлось не только благополучно, но даже блестяще. Ни одной ссоры, ни похабной ругани до самого конца маевки не было слышно, ни малейшего сходства с обычными пьяными гулянками. *Даже сама выпивка носила торжественный характер: рабочие без всякой толкотни подходили к камню, чинно, не спеша вытывали порцию водки из чаши и шли беседовать с членами нашей группы, или дружно пели революционные песни.* Песни чередовались с беседами» (Там же. С. 162).

²¹ *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. С. 355.

²² Там же. С. 394.

²³ *Степанов С. А.* Рабочие и черносотенные организации. 1905–1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 375.

²⁴ Ср.: «Рабочие <...> выкладывали свою *рабочую закуску* — ломти черного хлеба, головки лука, соль, печеные яйца» (*Ермаков П. П.* Воспоминания горнорабочего. С. 160).

²⁵ Ср. следующий отрывок из современного популярного романа «Коронация»: «И уж совсем меня расстроила “Московская иллюстрированная газета”, не придумавшая ничего лучшего, как воспроизвести художественно исполненное меню грядущего торжественного ужина в Грановитой палате на три тысячи кувертов.

Бульон Лукулловый

Пирожки разные

Холодное из рябчиков по-суворовски

Жаркое: крупные цыплята на вертеле

Салат

Цельная спаржа

Мороженое

Десерт

То есть я-то отлично видел, что по случаю печальных событий (на Ходынке. — А. Б.) меню составлено самое скромное, без каких-либо излишеств: что такое один салат? Ни осетров, ни фаршированных фазанов, ни даже белужьей икры. Истинно спартанская трапеза. Это поймут и по достоинству оценят приглашенные на ужин высокие особы. Но зачем же печатать такое в газете, для многих читателей которой и колбаса “собачья радость” — лакомство? Во всем этом, по зрелом размышлении, я усмотрел не заботу о престиже власти, а нечто прямо противоположное».

²⁶ См.: Железнодорожники в 1905 г. С. 156.

²⁷ См.: *Зайдель Н.* Железнодорожники (Силуэты). Екатеринбург, 1910.

²⁸ Государственная измена. СПб., 1906. По предположению современного исследователя К. В. Максимова, автором памфлета является Н. Жеденев, переведенный в 1906 г. из Уфимской губернии, где он служил чиновником для особых поручений при губернаторе, непременным членом губернского присутствия, в Петербург. См.: *Максимов К. В.* Монархическое движение в России в 1905–1917 гг. (по материалам Уфимской губернии): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

- ²⁹ Цит. по: Государственная измена. СПб., 1906. С. 82.
- ³⁰ Там же. С. 81.
- ³¹ См.: *Шагин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907, 1917–1922 гг. М., 1997. С. 176–182.
- ³² Проезжавший через несколько лет по российским железным дорогам с инспекцией чиновник-монархист, напротив, обратил внимание на то, что «на Пермской и Самаро-Златоустовской дорогах продаются газеты младотатарского и пантюкистского направления», «в Уфу, Самару, Казань и по всему Поволжью наехали молодые ученые татары из Константинополя... речь идет... о коренном плотном слиянии всех мусульман в одно целое государство» ([Заявление председателя Марьинского отдела РМС в г. Москве В. Г. Орлова. 8 декабря 1910 г.] // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 119. Д. 377. Л. 8).
- ³³ См.: *Загуменных М.* Былые дни. С. 140.
- ³⁴ *Назаров М.* Биография и партийная работа. С. 126.
- ³⁵ См., например: «Нередко можно было наблюдать и следующее. Сидят два приятеля и делятся своими впечатлениями по поводу только что полученных сведений из “Камского края”, а за следующим столиком сидит “приятель” из охранки. Склонившись над стаканом пива, он жадно вникает в смысл обывательских рассуждений <...> Приятели, наговорившись досыта, наконец встают и расходятся по домам. “Охранник” же, соображая, что имеет дело с крупной добычей, тоже срывается со своего места и в результате оказывается в дураках: в погоне за мелкой рыбешкой зачастую проглядывал настоящую “крамолу”» (*Шагин А.* На полулегальной работе. С. 184–185).
- ³⁶ *Ермаков П. П.* Воспоминания горнорабочего. С. 160.
- ³⁷ Прощение министру торговли и промышленности председателя Мотовилихинского отдела СРН Петра Рябова, по уполномочию Совета Отдела и членов Правления Общества потребителей СРН. Зарегистрировано 27 октября 1912 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 58. 1912 г. Д. 656. Л. 1 об.
- ³⁸ *Мызгин И. М.* Ни бог, ни царь и ни герой...
- ³⁹ Ср., например: «На заводе с разрешения стачечного комитета работал только один рабочий-электромонтер да небольшая кучка подпоенных администрацией штрейкбрехеров». Цит. по: *Рычкова Г. П.* Лысьва. Страницы истории Лысьвенской большевистской организации. Пермь, 1963. С. 38.
- ⁴⁰ См.: *Шагин А.* На полулегальной работе. С. 175.
- ⁴¹ *Ермаков П. П.* Воспоминания горнорабочего.

References

- Bairau, D. Bakhus v Rossii [Bacchus in Russia. In Russ.]. In *P. A. Zaiionchkovskii (1904–1983 gg.): Stat'i, publikatsii i vospominaniya o nem.* Moscow, ROSSPEN, 1998. P. 352–377.
- Brodel, F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material Civilization, Economics and Capitalism, 15th–18th Centuries. Vol. 1. Structures of Everyday Life: Possible and Impossible. In Russ.]. Moscow, Ves' mir, 2006. 592 p.
- Ivanov, A. A. *Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiya pravylkh IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917)* [The Last Defenders of the Monarchy: The Right Faction of the 4th State Duma During the First World War (1914 – February 1917). In Russ.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006. 204 p.
- Kondrat'eva, T. S. *Kormit' i pravit': O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [To Feed and Rule: About Power in Russia of the 16th–20th Centuries. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN, 2006. 202 p.
- Maksimov, K. V. *Monarkhicheskoe dvizhenie v Rossii v 1905–1917 gg. (po materialam Ufmskoi gubernii)* [The Monarchist Movement in Russia in 1905–1917 (Based on Materials from Ufa Province). In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2005. 208 p.

Narskii, I. V. *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in Disaster: Everyday Life of the Urals Population in 1917–1922. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN, 2001. 613 p.

Shanin, T. *Revolyutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907, 1917–1922 gg.* [Revolution as a Moment of Truth. Russia 1905–1907, 1917–1922. In Russ.]. Moscow, Ves' mir, 1997. 554 p.

Smith, R. E. F. *Bread and Salt: a Social and Economic History of Food and Drink in Russia.* Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 391 p.

Solov'eva, Z. P. О некоторых особенностях организации экскурсии в России (1905–1914) [About Some Peculiarities of the Organization of Excursions in Russia (1905–1914). In Russ.]. In *“Peterburzhets puteshestvoet”*. *Sbornik materialov konferentsii 2–3 marta 1995 g.* St. Petersburg, Pilgrim, 1995. P. 62–67.

Stepanov, S. A. *Rabochie i chernosotennye organizatsii. 1905–1917 gg.* [Workers' and Black Hundred Organizations. 1905–1917. In Russ.]. In Potolov, S. I. (ed.). *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii. 1861 – fevral' 1917.* St. Petersburg, BLITS, 1997. P. 367–378.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. И. Богомолов. «Пирожное с изменою»: политическая гастрономия уральских губерний начала XX века // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 114–128

Аннотация: Проблематика бытового поведения и символики питания затрагивалась до сих пор в основном в работах, посвященных относительно отдаленным эпохам. В этой статье по материалам уральских губерний Российской империи начала XX века рассматриваются социокультурные и политические обстоятельства, в рамках которых практики потребления пищи и алкоголя приобретали политический смысл. В центре внимания оказываются восприятие алкоголя, а также практик, связанных с потреблением пищи, символическое значение различных блюд, их роль и место в самоидентификации, в формировании образа врага и в политизации повседневности в представлениях современников — активистов противоборствующих политических партий России начала XX в. Участники крайне правых и крайне левых политических организаций зачастую демонстрировали совпадающее стереотипное восприятие своих политических оппонентов по одним и тем же параметрам.

Ключевые слова: культурная история, история повседневности, история питания, политическая гастрономия, политизация повседневности, «банкетная кампания», черносотенцы, революционеры, Уфимская губерния, Пермская губерния.

FOR CITATION

A. I. Bogomolov. “Cake with Treason”: The Political Gastronomy of the Ural Provinces of the Early 20th Century // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 114–128

Abstract: The issues of quotidian conduct and the symbolism of nutrition have hitherto been addressed principally in works dedicated to relatively distant epochs. Utilising the materials of the Ural provinces of the Russian Empire at the beginning of the 20th century, this article examines the socio-cultural and political circumstances in which the practices of food and alcohol consumption acquired political meaning. The study places particular emphasis on the symbolic meaning of alcohol and associated practices, as well as the symbolic meaning of various dishes, their role and place in self-identification, in forming the image of the enemy and in politicising everyday life in the ideas of contemporaries — activists of the opposing political parties of Russia in the early 20th century. Participants in far-right and far-left political organizations frequently exhibited a similar stereotypical perception of their political opponents, adhering to the same criteria.

Key words: cultural history, history of everyday life, history of nutrition, political gastronomy, politicization of everyday life, banquet campaign, The Black Hundreds, the revolutionaries, Ufa province, Perm province.

Автор: **Богомолов, Алексей Иванович** — к. и. н., научный сотрудник отдела истории России XX века Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Bogomolov, Alexey Ivanovich** — Candidate of Sciences in History, Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: iohannes@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0527-0192